

УДК 7.067.3; 76.03/.09

ББК 85.103(2)6

Есюнин Егор Алексеевич

Аспирант, Московский государственный академический
художественный институт имени В.И. Сурикова, 109004, Россия, Москва,
Товарищеский переулок, 30
ORCID ID: 0000-0001-8655-3295
ResearcherID: AGT-5503-2022
Yyegor27@gmail.com

Ключевые слова: лубок, советский плакат, советская пропаганда,
Гражданская война, политический плакат, Литиздат ПУР,
Государственное издательство

Есюнин Егор Алексеевич

Лубок в советском плакате эпохи Гражданской войны

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2022-2-138-163

Для цит.: Есюнин Е.А. Лубок в советском плакате эпохи Гражданской войны // Художественная культура. 2022. № 2. С. 138–163. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-2-138-163>.

For cit.: Yesyunin Ye.A. Lubok in the Soviet Political Poster of the Civil War. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2022, no. 2, pp. 138–163. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2022-2-138-163>. (In Russian)

Yesyunin Yegor A.

PhD Student (in Art Studies), V.I. Surikov Moscow State Academic Art
Institute, 30 Tovarishchesky Lane, Moscow, 109004, Russia
ORCID ID: 0000-0001-8655-3295
ResearcherID: AGT-5503-2022
Yyegor27@gmail.com

Keywords: lubok, Soviet poster, Soviet propaganda, Civil War, political
poster, Litizdat PUR, the State Publishing House

Yesyunin Yegor A.

Lubok in the Soviet Political Poster of the Civil War

Аннотация. Использование лубка в советском агитационном искусстве эпохи Гражданской войны рассматривается на примере плакатов Литературного издательства ПУР Реввоенсовета республики. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью сведений о выпуске лубков в это время. Цель исследования – изучение лубка, а также его взаимосвязи с плакатом обозначенного периода в контексте агитационного искусства. Постановка проблемы выводит на актуальные задачи рассмотрения сюжетов и форм лубка, вопросов его производства и распространения, его целевой аудитории. Эти задачи решаются посредством применения комплекса методов: хронологического подхода, типологического, сравнительного методов, иконографического анализа. В исследуемый период грань между плакатом и лубком оказалась зыбкой. Поэтому до сих пор существует неясность, относить тот или иной лист к лубку или плакату. В результате сравнения плакатов и лубков автор статьи приходит к выводу о том, что лубки Гражданской войны имели плакатный размер, поэтому они ближе к плакату, чем к лубку. Для таких листов можно применить термины «лубочный плакат», «плакат-лубок», «революционный лубок». Архивные документы проливают свет на личности тех, кто руководил выпуском лубков и плакатов в агитационно-пропагандистском отделе Госиздата (А.А. Дивильковский, И.М. Касаткин, В.Ю. Мордвинкин, В.А. Карпинский, В.П. Полонский). Лубок послужил созданию «народного» типа плаката, в котором идеи большевиков облекались в популярную форму. Лубочные плакаты предназначались преимущественно для крестьян. В результате исследования автор приходит к выводам о том, что, во-первых, имела место стилизация формы под традиционный лубок; во-вторых, применялась многокадровая композиция; в-третьих, характерным было использование фольклора и народного юмора.

Abstract. The author of the present article studies the implementation of the lubok in the Soviet agitprop art of the Civil War through the analysis of the posters published by the publishing office of the Political Department of the Revolutionary Military Council (Litizdat PUR). The relevance of this study is due to insufficient information and research about the creation of luboks at that time. The research is aimed at analyzing the lubok and its relation with the poster of the indicated period in the context of propaganda art. The formulation of the research problem brings forth the relevant objectives of studying the plots and forms of the lubok, the issues of its production and distribution, and its target audience. These research tasks are solved by the application of a set of methods, including the chronological approach, the typological and comparative methods, and the iconographic analysis.

In the period under discussion, the line between the poster and the lubok was blurred. Comparing luboks and posters, the author of the article comes to the conclusion that since the Civil War luboks had a poster size, they are closer to the poster rather than to the lubok itself. To such pictures, the terms “lubok-style poster” or “revolutionary lubok” can be applied. Archival documents reveal the personalities of those who supervised the production of luboks and posters in the Agitation and Propaganda Department of the State Publishing House (Gosizdat) (A.A. Divilkovsky, I.M. Kasatkin, V.U. Mordvinkin, V.A. Karpinsky, V.P. Polonsky). The lubok contributed to the development of the “folk” poster type in which the ideas of the Bolsheviks took on a popular form. These lubok posters were intended principally for peasants, who often were illiterate. The author concludes that the influence of the lubok on the poster of the Civil War period can be reduced to the following: a stylized traditional form, multi-frame composition, and the usage of folklore and folk humor.

Введение

В России плакат становится средством пропаганды только начиная с Первой мировой войны, в то время как лубок уже имел давние традиции в этой области. Еще в XVIII веке лубок агитировал за оспопрививание. Лубок отзывался на все войны, начиная с Семилетней войны 1756–1763 годов. Неудивительно, что народная картинка сыграла большую роль в становлении советского политического плаката Гражданской войны. Лубок помог плакатистам выработать популярный язык, на котором можно было бы «говорить» с народом. Цель настоящего исследования – изучить лубок как форму агитационного искусства. Мы попытаемся рассмотреть сюжеты и форму лубка, его производство и распространение, для каких слоев населения он предназначался. Сравнительный метод поможет разграничить плакат и лубок. С помощью иконографического анализа будут изучены сюжеты и мотивы советского плаката, которые показывают, в каких формах был реализован «народный» язык.

Во время Гражданской войны в России плакат и лубок оказались настолько близкими друг к другу, что некоторые критики 1920-х годов ошибочно относили многие плакаты Гражданской войны к лубку, отказывая им в «плакатности». В.П. Полонский отзывался негативно о ранних плакатах А.П. Апсита: «Со стороны живописной техники это были банальные народные картинки» [12, с. 27], которые были лишены плакатной техники [12, с. 29]. Я.А. Тугендхольд считал революционный советский плакат «неплакатным», поскольку «он был перегруженным подробностями, загружен текстом, недостаточно декоративен, и часто напоминал скорее станковую картину, чем плакат, и в общем и целом базировался скорее на старой традиции лубка, нежели на современной плакатной эстетике» [19, с. 59]. Впрочем, в этом обстоятельстве Я.А. Тугендхольд видел самобытность советского плаката эпохи Октябрьской революции. Н.М. Тарабукин утверждал, что многое, что относилось к плакату эпохи Гражданской войны, представляло собой лубок, как по сложности композиции, дробности, так и по перегруженности текстом [17, с. 49].

В общих чертах история вопроса отражена в книге Б.С. Бутника-Сиверского [1, с. 38–39]. Впоследствии лубку стали отводить более скромное место как лишь одному из источников плаката Граждан-

ской войны. Для Б.С. Бутника-Сиверского плакат, использующий лубочные приемы, – это только один из видов пропагандистского плаката: «Пропагандистский плакат авторы ошибочно причисляли к лубкам лишь на основании некоторого внешнего сходства» [1, с. 39]. К «пропагандистским плакатам» он относил тип повествовательных плакатов, композиция которых разделена на ряд картинок (многокадровые). Г.Л. Демосфенова видела источник плаката Гражданской войны не в «выродившемся» предреволюционном лубке, а в «подлинно народном» лубке, из которого плакат получил простоту изображения, наивность, юмор, хорошее знание народного быта [4, с. 11–12]. Н.И. Бабурина считала, что лубок был тесно связан с плакатом в ранний период развития плаката, однако «в дальнейшем пути развития плаката и лубка разошлись» [2, с. 14]. При всем влиянии лубка на советский плакат, лубок и плакат оставались «самостоятельными формами графики, со своими собственными социальными функциями и эстетическими законами» [2, с. 19]. Традиции лубка в плакате проявились в гротеске, гиперболе, многокадровости, использовании фольклора.

Ранний советский политический плакат постоянно привлекал внимание зарубежных исследователей. Собственно проблеме лубка в советском плакате уделил внимание Стивен Уайт (Steven White) в книге «Большевистский плакат» (The Bolshevik Poster, 1988) в контексте обзора источников советского плаката Гражданской войны. О советском лубке писал Стефен Норрис (Stephen M. Norris) в завершении диссертации «Русские образы войны: лубок и военная культура, 1812–1917» (Russian Images of War: The Lubok and Wartime Culture, 1812–1917, 2002). Из современных зарубежных исследований советского плаката и лубка для нашей темы важна статья Молли Арбутнот (Mollie Arbuthnot, 2019), в которой сделан акцент на изучении восприятия плаката советскими зрителями. М. Арбутнот, цитируя Н.М. Тарабукина, заменила оригинальное слово «лубок» «плакатом». Она так мотивирует замену слова: «Тарабукин использует слово не „плакат“, а „лубок“. Однако литография уже давно превзошла деревянный „лубок“, который был, в любом случае, запрещен в апреле 1919 года: Тарабукин здесь ссылается на литографию массового производства для экспонирования на стене, то есть плакат, пусть,

возможно, и в стиле лубка» [20, р. 717]⁽¹⁾. Тема лубка и лубочной литературы XIX–XX веков в контексте соотношения высокого и низкого искусства затрагивается Джеффри Бруксом (Jeffrey Brooks, 2019) [21]. Из последних публикаций отметим также исследование о советских плакатах как средстве антирелигиозной пропаганды (К.М. Kain, 2018) [23]. В книге *Communist Posters* Мэри Гинсберг (Mary Ginsberg, 2017, 2020) сравнивает иконографию и стиль плакатов, выпущенных в разных коммунистических странах [22]. Неизменный интерес музейного и галерейного сообщества к ранним советским плакатам демонстрирует каталог выставки в Художественном музее Портленда на базе частной коллекции Э. и С. Сильверман (26 июня – 26 сентября 2021 года): автор каталога Кристина Толанд (Kristina Toland, 2021) подчеркивает, что советские плакаты «предложили новую иконографию, переведя коммунистические устремления в доходчивое, мобилизующее искусство улицы» [24].

Но может быть, были определенные основания для того, чтобы называть плакат лубком? Действительно, во время Гражданской войны грань между плакатом и лубком была зыбкой. Например, Д.С. Моор считал лубок разновидностью плакатной формы наряду с иконой; историческим этапом в развитии плаката [9, с. 16]. Возможно, и не нужно жестко разделять некоторые плакаты и лубки? К плакатам, имеющим лубочные черты, можно применить термины «лубочный плакат» (термин Н.М. Тарабукина) [18] или же «плакат-лубок» (термин Г.Л. Демосфеновой). В статье нами будет использоваться термин «лубочный плакат», отражающий главенство плаката, поскольку эти лубки обычно имеют плакатные размеры (70 × 50 см и более). В статье будут применяться термины «лубочный плакат», «революционный лубок» как синонимы для обозначения особого типа плаката, имеющего черты лубка.

В.П. Полонский, руководивший Литературно-издательским отделом Реввоенсовета республики, называл лубочные плакаты «револю-

ционным лубком» и посвятил им последнюю главу своей монографии «Русский революционный плакат» (1925). В современной научной традиции большинство из «революционных лубков», перечисленных в этой книге, принято относить к плакатам. В.П. Полонский писал о «революционном лубке»: «по мере усложнения литературной темы, плакат терял свой лаконический характер, перерождаясь в лубочную картину» [12, с. 111]. Надписи становились все более громоздкими, усложнялась композиция. Как следствие, художники делили плакат на ряд изображений. «Этот процесс приводил к лубкам, напоминающим прежние деревенские картины» [12, с. 112]. Таким образом, В.П. Полонский хоть и называл такие листы «лубками», но одновременно и указывал на плакатное происхождение «революционных лубков», а также на их двойственность – промежуточное положение между плакатом и лубком.

Плакат и лубок

В отчетах Литиздата ПУР лубки указываются наряду с плакатами⁽²⁾. К сожалению, в большинстве отчетов плакаты и лубки не разграничены: в разделе «Плакаты и лубки» приводится общий список плакатов и лубков. Но есть и исключение. Отчет за 1 июня 1919 года – 1 июня 1920 года содержит отдельный список плакатов и отдельный список лубков [11, с. 11–13]. Сравнение плакатов и лубков дало следующие результаты. Лубочных картин меньше, чем плакатов⁽³⁾. Обычно лубки имеют меньший размер, чем плакаты, – 70 × 50 см, в то время как плакаты, как правило, больше – 100 × 70 см (но есть плакаты размером 70 × 50 см или даже меньше). В раздел плакатов попал лубок Д.С. Моора «Суд народный» (32 × 46 см). Таким образом, размер –

(1) Скорее всего, М. Арбутнот ссылается на постановление Совета народных комиссаров от 23 апреля 1919 года «Об изъятии из продажи всех изданий лубочной литературы» (Декреты Советской власти: в 18 т. Т. 5. М.: Политиздат, 1971. С. 457). Но в лубочную литературу входили сонники, оракулы, песенники, письмовники (про лубки-картинки нам неизвестно). Кроме того, Госиздат в 1923 году возобновил выпуск лубочных картинок.

(2) В 1920 году Литиздатом ПУРа были выпущены почти 2,67 млн «плакатов и лубочных картин» [8, с. 7].

(3) Полный список лубков в отчете (18 наименований): «Митька-бегунец», «Организуем избы-читальни», «Горе дезертирам», «Песнь про казака Ерему», «Нерешительный Митюха», «Красная винтовка», «Для чего нам нужен Донецкий бассейн», «Сказ, как прогнали бар от нас», «Что даст Сибирь Советской России», «Хлеб и уголь», «Что несет Деникин рабочим и крестьянам», «Рано пташечка запела», «Белогвардейцы и дезертир», «Фронтная частушка», «Украинские мытарства», «Песнь труда», «Палачи Украины», «Крестьянин, польский помещик хочет сделать тебя рабом» [11, с. 13].

не единственный критерий определения различия между плакатом и лубком. Большинство приведенных лубков состоят из нескольких изображений (что подтверждает характеристику лубка В.П. Полонским), а некоторые стилизованы под старинный лубок и богато декорированы (например, лубочные плакаты К.В. и В.В. Спасских). Но в разделе лубков встречаются и вещи лаконичные, которые мы бы сегодня отнесли к плакатам (например, плакат Н. Дени «Палачи Украины»). Большинство лубков обращается к крестьянину, а также к красноармейцам и казакам, ведущим в мирное время сельский образ жизни. Три лубка предназначались для аграрной Украины. Обобщая, можно сказать, что в Литиздате ПУР к «лубкам» относили плакаты, как правило, среднего размера (70 × 50 см), часто многокадровые, декорированные орнаментом, и которые ориентировались на крестьянского потребителя.

«Революционные лубки» призваны были «внедриться» в быт крестьянина. Поэтому, помимо основной пропагандистско-воспитательной задачи, лубки должны были украшать жилище. В 1919 году коллегия Агитационно-пропагандистского отдела Государственного издательства предложила Центропечати «организовать распространение лубков, исключительно для продажи, с той целью, чтобы они попадали в избы крестьян» [14, л. 7]. Есть свидетельства, что после Октябрьской революции лубки исчезли и крестьянам стало нечем украшать свои жилища. Действительно, плакаты не подходили для этого, так как они были слишком большими по размеру и рассчитанными на активное восприятие. Крестьянин любил картинки со многими деталями, которые было бы интересно рассматривать. Книговед М.И. Слуховский отмечал, что после Октябрьской революции производство народных картин совершенно прекращается: «Новый агитплакат в избы не шел: во-первых, он расходился по советским учреждениям, во-вторых, крестьянин остерегался его коммунистического духа, в-третьих, он не отвечал семейно-спокойной интимности, он кричал. А между тем крестьянин тосковал по привычному дедовскому убранству жилья» [16, с. 145]. Привычная для крестьян лубочная оболочка должна была привлечь их внимание к посланию плаката и расположить к себе. Новые советские лубки должны были заменить старые лубочные картины. «В избах крестьян доживали последние дни старые, засиженные мухами портреты храбрых генера-

лов» [3, с. 27] или лубки с Русско-японской войны [17, с. 54]. Украшали стены всем, что ни попадется: рекламой, школьными пособиями по географии и истории и др. Именно этот вакуум призваны были заполнить лубочные плакаты. Декоративная функция первых лубочных плакатов, выпущенных Литиздатом в 1919 году, объясняет, почему они имели богатый орнамент. Хотя многие из этих плакатов шли не только в избы, но и в общественные учреждения. И когда «революционные лубки» попадали в крестьянские жилища, то, как пишет В.П. Полонский, в отличие от плакатов, они жили дольше и «нередки бывали случаи, когда в глухих углах, на сотни верст удаленных от железной дороги, в сумраке избы, на стене... торжественно красовалась цветная литография, наглядно показывающая, как „нерешительный Митюха“⁽⁴⁾ не хотел идти в Красную армию, чтобы защищать землю от помещиков, и что от этого произошло» [12, с. 113].

Илл. 1. Спасский К.В. Нерешительный Митюха. 1919, хромолитография. 55 × 78 см. Источник: redavantgarde.com

(4) Имеется в виду лубочный плакат К.В. Спасского «Нерешительный Митюха» (1919).

Первые выпущенные лубки ПУР имели плакатный размер, и именно поэтому их сейчас относят к плакатам. Но большой размер был их недостатком как настенных лубков, и редколлегия Агитпропотдела ГИЗ, рассматривая вопрос о форме лубков в октябре 1919 года, наверное, по этим причинам предложила уменьшить их размер [14, л. 8]. Также было предложено Центропечати «установить цену на лубки и плакаты». На заседании 11 ноября 1919 года редколлегия рассматривала вопрос распространения лубков и приняла решение «передать Лит.-издат. отделу ПУР постановление нашего отдела о распространении лубков, длительных плакатов, открыток... путем продажи, а не расклейки и просить Лит.-издат. [отдел] ПУР в свою очередь это постановление провести в своих политотделах и прочих организациях» [14, л. 9]. Под «длительными плакатами» в то время понимали плакаты для внутренних помещений, более детализированные и сложные, менее «ударные», чем плакаты для улицы. Агитационные плакаты призывного характера во время Гражданской войны обычно распределялись бесплатно. Лубки, напротив, продавались.

Редколлегия Агитационно-пропагандистского отдела Госиздата

Перед тем как перейти к рассмотрению «лубочных плакатов», остановимся на людях, которые заведовали выпуском плакатов и лубков. Это очень важно для понимания тенденции придавать плакатам «народную» форму. В 1919–1922 годах редакционная коллегия Агитационно-пропагандистского отдела ГИЗ (АПО ГИЗ) редактировала многие плакаты, издаваемые Литиздатом ПУР [2, с. 240]. В состав редколлегии входили А.А. Дивильковский (председатель), И.М. Касаткин, В.Ю. Мордвинкин, В.А. Карпинский, В.П. Полонский. Интересно, что многие из членов редколлегии сами писали агитационные брошюры «народным» языком! Более того, они редактировали тексты для многих плакатов и лубков. В.Ю. Мордвинкин составил текст к плакату-лубку «Что дала Советская власть рабочим и крестьянам» [13, л. 24]⁽⁵⁾. Также ему было поручено выбирать сюжеты для плакатов

(5) Скорее всего, речь идет о плакате Д.И. Мельникова «Что дала Октябрьская революция трудящимся, 1917–1919», рассматриваемом в данной статье.

и лубков и использовать для этого иллюстрации из газеты «Беднота». Заведующий отделом листовок В.А. Карпинский написал ряд прокламаций на тему «Что даст приход Деникина» [13, л. 16]. Надписи к плакатам, составленные Д. Бедным, должны были передаваться на осмотр В.А. Карпинскому [13, л. 36].

Из протоколов заседания редколлегий АПО ГИЗ видно, что в издательстве разделяли плакат и лубок. На заседании редколлегии АПО Госиздата 11 августа 1919 года после того, как В.И. Невский⁽⁶⁾ зачитал доклад о лубке, было постановлено «для агитационной беллетристики брать идеи коммунизма в беллетристской форме. Издавать тенденциозные романы, повести, рассказы и иллюстрировать их обложки в виде „лубка“» [13, л. 30]. А.А. Дивильковский, ученый секретарь Агитационно-пропагандистского отдела ГИЗ, написал популярную брошюру «Коммунисты и крестьяне» (1921). Бывший эсер, В.Ю. Мордвинкин⁽⁷⁾, вероятно, был знаком с народнической литературой для крестьян 1870-х годов. Он написал пропагандистскую книгу-сказку «Чорт паленый» в духе «ряженой литературы» народников. Рисунки к книге сделал плакатист Н. Кочергин. Полное название книги – «Сказ про то, как мастеровой Митька Сверчок с чортом паленым об заклад бился да с буржуями боролся, и как чорт Митьке голову свою проиграл». По сюжету кузнец Митька проиграл черту спор, не справившись со «зверем», которым оказалась война: кузнец лишился ноги, семьи. Черт, перевоплотившись в агитатора-патриота, в разных странах разжигал войну. В России черт ходил с иконой и царским портретом и говорил о «спасении России». Далее черт летит со Сверчком по Европе и рассказывает всю правду о войне. В итоге Митька становится большевистским агитатором и пропагандирует в казармах – призывает покончить с «капиталистическим зверем». Пospорил вторично с чертом, что рабочие возьмут власть. «Никогда

(6) Невский Владимир Иванович (1876–1937, наст. имя Кривобоков Феодосий Иванович) – российский революционер-большевик, советский историк. Член Петроградского военно-революционного комитета во время Октябрьской революции. С 30 сентября 1918 года по 10 мая 1919 года – член Реввоенсовета республики. В 1920–1921 годах был заведующим отделом ЦК РКП(б) по работе в деревне. С марта 1921 года член коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР.

(7) Мордвинкин Владимир Юрьевич (1889–1946) в 1919–1921 годах был помощником, а затем заведующим АПО Госиздата.

вам из-под буржуя не выйти! – кричал черт. – Я на вас союзников натравлю, эти похуже немца». Но проспорил черт голову свою [10]. Другой член редколлегии И.М. Касаткин⁽⁸⁾ в своих военных рассказах «Вражья сила» (1919), «Летучий Осип» (1921) использовал элементы народного сказа [7]. В плакатах Литиздата также были применены формы сказа, об этом ниже.

В брошюре «В поход против царя-голода» (1918) В.А. Карпинский, используя простонародный язык и пословицы, обращается к крестьянам и приводит аргументы, чтобы убедить крестьян сдавать хлеб в город. Он приводит в качестве отрицательного примера «лопатинских» и «тишанских» крестьян, которые скрывают излишки или завышают цены на них. В конце брошюры В.А. Карпинский призывает бороться с олицетворенным голодом, который придет царем после Николая II: «...иначе придет и новый царь на романовский разбитый престол». «Силен голод своими союзниками, силен теми, кто за ним скрывается, кто ему зубы точит» [6, с. 17]. В связи с олицетворением голода можно привести лубочный плакат на текст Демьяна Бедного «Богатырский бой» (ок. 1919), изданный Политотделом Революционного совета Запасной армии. Голод в плакате изображен в виде скелета-богатыря, с которым борется советский богатырь-красноармеец. В другой брошюре «Как тульский мужик уму-разуму научился» В.А. Карпинский рассказывает о причинах Первой мировой войны, вскрывая «хитрую механику» войны, почему капиталисты «заварили кровавую кашу», которую тяжело было понять крестьянину, занятому своим участком земли. И «какое ему дело до тридевятого царства»? Таким образом, «народная» популярная форма изложения была целенаправленно избрана для художественной пропаганды среди крестьян. Что и нашло отражение в революционных лубочных плакатах и «народных» брошюрах. Лубок стал важным средством для создания «народной» формы агитации крестьян.

(8) Касаткин Иван Михайлович (1880–1938) – крестьянский писатель, революционер. Заведующий издательством ВЦИК в 1919 году. В 1918–1919 годах И.М. Касаткин служил уполномоченным Реввоенсовета Красной армии. Один из основателей ГИЗ, заведующий Литературно-художественным отделом ГИЗ.

Сюжеты и мотивы лубочных плакатов Литиздата ПУР

Советские плакатисты заимствовали сюжеты из лубка Первой мировой войны. Например, композиция с нанизыванием маленьких фигур противника на копье в плакате Н.М. Кочергина «Очередь за Врангелем» (1920) идентична лубку «Храбрый наш Козьма Крючков» (1914). Более того, А.П. Апсит, Д.С. Моор, С.М. Мухарский сами делали лубки во время Первой мировой войны. Неудивительно, что многие мотивы и сюжеты переносились ими в советский плакат. В 1918 году издательство ВЦИК издает первые «лубочные плакаты», в которых живописное реалистическое изображение совмещалось с многокадровым лубочным делением листа. Плакаты «Как цари издевались над народом» (Н. Крылов (?), 70 × 51 см), «Комитет бедноты» (106 × 71 см) обращались к крестьянам и имели облик хромолитографических лубков начала XX века, но только большего размера.

В 1919 году плакатисты наиболее часто обращались к лубку [1, с. 39]. Возможно, потому, что положение советской власти было критическое и необходимо было привлечь на свою сторону крестьянство, составлявшее большинство населения России. В этом году в Литиздате ПУР наметилась тенденция к выпуску военных лубочных плакатов. Для Литиздата делали плакаты П. Абрамов, А.П. Апсит, Н.Н. Когоут, Н.М. Кочергин, Д.С. Моор, В.Н. Дени, Н.Н. Поманский, К.В. Спасский, В.В. Спасский, В.И. Фидман. Шесть из десяти первых лубочных плакатов ПУР, сделанных А.П. Аpsитом, К.В. Спасским и В.В. Спасским, были многокадровыми, богато орнаментированными и были стилизованы под народный лубок. Часто в этих лубочных плакатах «народного» стиля использовались фольклорные жанры: сказ, частушка, сказка. Сказ – это эпическое повествование, имитирующее «народную» речь. Сказ был взят за основу в лубочных плакатах «Сказ про казака Ерему, попавшего в плен к большевикам» (№ 2, 1919, ПУР), «Для крестьян правдивый сказ, как прогнали бар от нас» (А.П. Апсит, № 38, 1919, ПУР). Вообще, для лубочных плакатов был больше свойственен рассказ, повествование, чем плакатный призыв-лозунг. Пример использования частушек в плакате – «Фронтовые частушки» Н.Н. Поманского

Ил. 2. Поманский Н.Н. Фронтовые частушки. 1919, хромофотография. 69 × 52 см. Москва. Источник: redavantgarde.com

(№ 68, 1919, ПУР)⁽⁹⁾. Плакат разделен на 12 кадров. Начинается текст с балаганных ярмарочных зазываний: «Эх, дуди, моя дуда, подходи, народ, сюда!» Советская пропаганда изображала А.И. Деникина претендентом на царский трон, чтобы вызвать возмущение народа: «Эх, калина, эх, малина, как Деникин-то скотина, ай, люли-люли-люли, лезет, сволочь, в короли». Красноармейцы «побили в картах» «короля» Деникина своей «двойкой» (Л.Д. Троцкий и В.И. Ленин). Любопытно, что был использован образ черта, распространенный в традиционных лубках. Черти забирают Деникина в преисподнюю. Также черти появляются в лубочном плакате Д.С. Моора «Труд» (1920, ПУР). Поп демонизируется и пользуется покровительством черта: «Помни, голь и шантропа, черт — заступник за попа. Супротив попа пойдешь — к черту в зубы попадешь». Активно использовались сказочные сюжеты. Сказка о репке была взята за основу лубочного плаката Д.С. Моора «Советская репка». Мсье Капитал, Н.Н. Юденич в лице бабки Контрреволюции, В.М. Чернов в роли внуки социал-соглашателя, сучка-саботажница тащат репку-красноармейца себе на беду.

Народный юмор был одной из основных причин обращения плакатистов к лубку. В некоторых случаях советские плакатисты использовали традиционные сюжеты старого лубка в комических целях. В плакате К.В. Спасского «Что несет Деникин рабочим и крестьянам» (№ 50, 1919, ПУР) используется прием лубков Первой мировой войны для изображения подвигов героев. В них портрет героя помещался в овальную или круглую рамку в углу картинки (например, лубки на тему подвигов К.Ф. Крюкова, лубок «Героический подвиг и гибель знаменитого летчика Нестерова», 1914). В центре листа изображалась сцена подвига. В советском плакате «Что несет Деникин рабочим и крестьянам» мы видим пример травестии схемы героического лубка, в которой в рамку вместо портрета героя (в данном случае — А.А. Брусилова) был вставлен портрет «антигероя» А.И. Деникина. Таким образом, героическая схема оказывается вывернутой наизнанку: портрет «героя» А.И. Деникина помещен в круг, а в центральной части

(9) Плакат «Фронтовые частушки» неверно датирован 1921 годом на сайте redavantguard.com. Скорее всего, плакат сделан в самом конце 1919 года. Это видно из порядкового номера издательства ПУР на плакате (№ 69), а также из содержания плаката: в плакате фигурируют только А.И. Деникин и А.В. Колчак.

Ил. 3. Спасский К.В. Что несет Деникин рабочим и крестьянам. 1919, хромолитография. 53 × 70 см. Источник: redavantgarde.com

плаката изображены его злодеяния. Кстати, текст плаката, вероятно, написан во время октябрьского наступления Деникина на Москву. На заседании редколлегии АПО Госиздата 7 октября В.А. Карпинскому было поручено написать ряд прокламаций на тему «Что даст приход Деникина» и «немедленно издать для распространения на деникинском фронте для города и деревни» [13, л. 16].

Другой пример травестики – лубок Д.С. Моора «Суд народный». Д.С. Моор, с одной стороны, пародирует торжественные процессы из петровских гравюр, а с другой, ориентируется на сюжет лубка XVIII века «Мыши кота погребают. Недруга своего провожают». В плакате недругом становится царь Николай II. Проходит парад сниженных, карикатурных образов. В процессе участвуют царь, попы,

Ил. 4. Моор Д.С. Советская репка. 1920, хромолитография. 92 × 74 см. Источник: РГБ, Москва

капиталисты, белогвардейцы, Г. Распутин и др. Рабочий, крестьянин и красноармеец выпроваживают их, «выметают метлой».

Одной из форм народного юмора был раешник. Во время Первой мировой войны Д.С. Моор работал над сатирическими лубками⁽¹⁰⁾. В частности, он сделал лубок «Как черт огород городил», имитировавший раешник. В этом лубке используется прием пластической метаморфозы, подобный трансформации головы короля Луи в грушу в карикатуре Шарля Филиппона «Груша» (1830-е). В лубке Д.С. Моора изображено превращение клубней овощей в головы Франца-Иосифа и Вильгельма, сопровождающееся раешными присказками вроде «Ловко!» и т.д. В плакатах Д.С. Моора советского периода «Суд народный» и «Труд» (1920) также присутствуют элементы раешника. В подписях есть прибаутки, с помощью которых раешник зазывает зрителей к райку и сопровождает показ картинок. Текст плаката «Труд» зазывает: «Погляди, народ честной, вот твой прадед крепостной над сохой спину гнет...». И дальше перед зрителем плаката «прокручиваются» полосы с персонажами на манер бумажных полос в райке (на плакате пять горизонтальных полос, на которых разворачивается сюжет рассказа об освобождении труда). Картинки сопровождаются рифмованным юмористическим текстом. В частности, обыгрывается слово «труд»: поп «трудился» языком, «у господ-то тоже труд: скушать хлебец весом в пуд».

В сатирическом лубочном плакате «Чертова кукла» (1920), состоящем из двух изображений, Д.С. Моор использует мотив антропоморфного солнца, которое «реагирует» на «земные» события. Сначала солнце нахмуренно смотрит на грозного Врангеля, но после того, как красноармеец разоблачает Врангеля, солнце взрывается от смеха. Таким образом, солнце объективизирует эмоции зрителя на происходящее в плакате. Солнце с человеческим лицом фигурировало в Библии В. Кореня XVII века. В одной из иллюстраций солнце «проявляется» и оказывается головой ангела с огненными ногами-столпами из Апокалипсиса: «...и лицо его яко солнце». В лубочных календарях с зодиаком также встречается солнце. Лицо-солнце с лу-

(10) Д.С. Моору принадлежат следующие лубки: многокадровый карикатурный лубок «Сарептское воскресение» (1914), «Богатырское дело Кузьмы Крючкова», «Вильгельмовы скоты», унижающие врага лубки «Как хохол немца в плен взял», «Баба тоже не чурбан – может взять аэроплан».

бочных календарей эсеры заимствовали для своего предвыборного плаката 1917 года. В сатирических лубках Русско-японской и Первой мировой войны антропоморфное солнце секуляризируется, теряет свой космогонический (божественный) характер. В карикатурном лубке Ре-ми (Н.В. Ремизова) «Голод в Германии» солнце-лицо обретает конкретные черты казака (фуражка, усы, кудри) и смеется над бедственным положением голодающего немца.

Лубочные плакаты также иллюстрировали революционные песни, продолжая традиции песенного лубка XIX века. В.В. Спасский в многокадровом лубочном плакате «Дубинушка» (1919, Наркомзем) изображает историю о том, как подневольный мужик трудился и жил в нищете, находя утешение только в песне «Дубинушка», но наступила революция, и дубина «пошла» и «ухнула» угнетателей. Лубочный плакат «Красная винтовка» (А.П. Апсит, № 5, 1919, ПУР) основан на переделанном в 1918 году Демьяном Бедным тексте «Дубинушки». Во время революции место дубины занимает винтовка, которая «сама пальнет». Обстановка плаката, в которой разворачиваются события, – в духе лубочной картинки, условного «некоторого царства». Рабочие штурмуют крепость средневекового типа, в которой укрылись бары. «Бары» обращаются за помощью к империалистам – «барам заморским» англичанам, которые присылают диковинные танки. Любопытно, что в примечаниях к тексту расшифровывается незнакомое крестьянам слово «танк» как «подвижная крепость»⁽¹¹⁾. Такие архаизмы и атмосфера сказочности должны были, по мнению пропагандистов, быть близки и понятны крестьянам. Оба плаката богато орнаментированы, из традиционного лубка взяты условная трактовка переднего плана со стилизованными цветами и растениями.

5 сентября 1919 года в Госиздате был объявлен закрытый конкурс на плакаты и лубки к годовщине Октябрьской революции [13, л. 25]. Победил лубок Д.И. Мельникова «Что дала Октябрьская революция трудящимся, 1917–1919» (1919, Госиздат). Кстати, ранее этот плакат не был атрибутирован. Другие конкурсныe плакаты были признаны малоудовлетворительными, были оплачены, но не премированы [13, л. 17].

(11) Подвижная крепость представляла собой передвижное полевое укрепление на повозках, распространенное в России в XV–XVIII веках.

Ил. 5. Моор Д.С. Чертова кукла. Литиздат ПУР. 1920, хромолитография. 70 × 44 см. Источник: РГБ, Москва

Ил. 6. Неизвестный художник. Охъ ты, яблочко. Ростов-на-Дону, народная картинка. 1918-1922, хромолитография. 37,5 × 27 см. Источник: РГБ, Москва. Инв. № 2000-174

Белогвардейцы тоже использовали лубок, пытаясь завоевать симпатии крестьян. Серия сатирических лубков выпускалась в Ростове-на-Дону неким издательством «Народная картинка» в 1919 году. Нам известны три-четыре листа из этой серии. Их авторы пока не установлены. В этих лубках большевики изображались грубыми, кровожадными, некультурными. Так, лубок «Краса и гордость русской революции» изображал матроса, стоящего по колено в крови. В лубке «Ох ты, яблочко» большевик-жулик не может достать вожделенное «яблоко» – Донской край – поскольку его охраняет казак, который и взрастил его. Лубок «Опора большевистского строя» показывает в контрастном сопоставлении, каким большевик мнит себя и какой он есть на самом деле. О «белых» лубках вспоминал в эмиграции А.М. Дроздов, работавший в 1919 году в Осведомительном агентстве (ОСВАГе, пропагандистском органе деникинцев), описывая висящие в витринах Ростова-на-Дону «аляповатые, как полотна ярмарочных паноптикумов, бесстыдные, как русская пошлость, скудоумные и лишённые всякой остроты лубки» [5, с. 50]. Возможно, слово «лубок» здесь применено в уничижительном значении, означая нечто грубо сделанное? Также А.М. Дроздов упоминает о брошюрах ОСВАГа, написанных «нарочито псевдонародным, т.е. бездарным и напыщенным языком» [5, с. 53].

Заключение

В Гражданскую войну и в первой половине 1920-х годов лубок был тесно связан с плакатом. В ряде случаев сложно провести границу между ними. Такие плакаты, приближенные к лубкам, можно называть «лубочными плакатами». Они соединяли функции лубка и плаката – могли как украшать избу крестьянина, так и агитировать в общественных местах. Во время Гражданской войны и особенно в период НЭПа лубочные плакаты и лубки ориентировались на крестьян. В отличие от плакатов, лубочные плакаты также предназначались для частных жилищ. В Госиздате и Литиздате ПУР редакторы и художники целенаправленно работали над популяризированной формой агитации для народа. Лубки помогли выработать «народный» язык агитационного искусства Гражданской войны. В лубочных плакатах использовались различные формы народного фольклора и традиционные лубочные сюжеты.

Список литературы:

- 1 Бутник-Сиверский Б.С. Советский плакат эпохи Гражданской войны 1918–1921. М.: Всесоюзная книжная палата, 1960. 695 с.
- 2 Вашик К., Бабурина Н.И. Реальность утопии: искусство русского плаката XX в. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 415 с.
- 3 Верт В.О. Плакаты, лубки и календари в книготорговом ассортименте (лекции). М.: Заочторгкурсы, 1930. 51 с.
- 4 Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат / Г.Л. Демосфенова, А.Ю. Нурок, Н.И. Шантыко; под общ. ред. Ф. Калошина. М.: Искусство, 1962. 443 с.
- 5 Дроздов А.М. Интеллигенция на Дону // Архив русской революции. Т. 2. Берлин: Слово, 1921. С. 45–48.
- 6 Карпинский В. А. В поход против царя-голода. М.: Издательство Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 1918. 24 с.
- 7 Лебедева С.Н. Поэтика рассказов о войне И.М. Касаткина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. № 1. Том 1. С. 67–73.
- 8 Массовый читатель и книга / Под ред. Н.А. Рыбникова. М.: Гос. воен. изд., 1925. 87 с.
- 9 Моор Д.С. Лекции о плакатном искусстве и его истории // РГАЛИ. Ф. 1988. Оп. 1. Ед. хр. 68. 166 л.
- 10 Мордвинкин В.Ю. Чорт паленый: сказ про то, как мастеровой Митька Сверчок с чортом паленым об заклад бился да с буржуями боролся и как чорт Митьке голову свою проиграл. М.: Государственное издательство, 1919. 35 с.
- 11 Отчет о деятельности Литературно-издательского отдела Политического управления Реввоенсовета республики с 1 июня 1919 г. по 1 июня 1920 г. М.: [б.и.], 1920. 40 с.
- 12 Полонский В.П. Русский революционный плакат. М.: Государственное издательство, 1925. 192 с.
- 13 Протоколы заседаний коллегии агитационно-пропагандистского отдела Госиздата РСФСР за июль – декабрь 1919 г.: Копии // ГАРФ. Ф. Р395. Оп. 9. Дело 193. 39 л.
- 14 Протоколы заседаний коллегии агитационно-пропагандистского отдела Государственного издательства №№ 16, 24–38 // РГВА. Ф. 9. Оп. 14. Ед. хр. 16. 16 л.
- 15 Пять лет военной книги, 1919–1924 гг. М.: Гос. воениздат, 1924. 176 с.
- 16 Слуховский М.И. Книга и деревня. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 231 с.
- 17 Тарабукин Н.М. Искусство дня. М.: Всероссийский пролеткульт, 1925. 134 с.
- 18 Тарабукин Н.М. Лубочный плакат // Советское искусство. Июнь 1925. № 3. С. 63–66.
- 19 Тугендхольд Я.А. Современный плакат // Печать и революция. 1926. № 8. С. 56–74.
- 20 Arbuthnot M. The People and the Poster: Theorizing the Soviet Viewer, 1920–1931 // Slavic Review. Fall 2019. Vol. 78. Issue 3. P. 717–737. <https://doi.org/10.1017/slr.2019.231>.
- 21 Brooks J. The Firebird and the Fox: Russian Culture under Tsars and Bolsheviks. Cambridge University Press, 2019. 346 p.
- 22 Communist Posters / Ed. by Mary Ginsberg. Reaktion Books, 2020. 432 p.
- 23 Kain K.M. Early Soviet Visual Antireligious Propaganda: The Display of Print Images in the Past, Present and Digital Future // Slavic & East European Information Resources. 2018. Vol. 19. Issue 3–4. P. 216–241.
- 24 Toland K.A. Constructing Revolution: Soviet Propaganda Posters, 1917–1947: Catalog of an Exhibition by the Portland Art Museum, Portland, Oregon, June 26 – September 26, 2021. Brunswick, Maine: Bowdoin College Museum of Art, 2021. 191 p.

References:

- 1 Butnik-Siverskij B.S. *Sovetskij plakat epohi Grazhdanskoj vojny 1918–1921* [Soviet Poster of the Civil War 1918–1922]. Moscow, Vsesoyuznaya knizhnaya palata Publ., 1960. 695 p. (In Russian)
- 2 Vashik K., Baburina N.I. *Real'nost' utopii: iskusstvo russkogo plakata XX v.* [Reality of Utopia: 20th Century Russian Poster Art]. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2004. 415 p. (In Russian)
- 3 Vert V.O. *Plakaty, lubki i kalendar i v knigotorgovom assortimente (lekci)* [Posters, Lubki and Calendars in Bookselling Assortment (Lectures)]. Moscow, Zaochtor kursy Publ., 1930. 51 p. (In Russian)
- 4 Demosfenova G.L. *Sovetskij politicheskij plakat* [Soviet Political Poster], G.L. Demosfenova, A. Yu. Nurok, N.I. SHantyko; ed. F. Kaloshin. Moscow: Iskusstvo Publ., 1962. 443 p. (In Russian)
- 5 Drozdov A.M. *Intelligencija na Donu* [The Intelligentsia on Don River]. *Arhiv russoj revoljucii* [Russian Revolution Archive]. Vol. 2. Berlin, Slovo Publ., 1921, pp. 45–48. (In Russian)
- 6 Karpinskij V.A. *V pohod protiv carja-goloda* [In a Campaign Against Tsar-Hunger]. Moscow, Izdatel'stvo Vserossijskogo central'nogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochih, soldatskih i krest'janskikh deputatov Publ., 1918. 24 p. (In Russian)
- 7 Lebedeva S.N. *Poetika rasskazov o vojne* I.M. Kasatkina [Poetics of War Stories by I.M. Kasatkina]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2018, no. 1, Vol. 1, pp. 67–73. (In Russian)
- 8 *Massovij chitatel' i kniga* [Mass Reader and a Book], ed. N.A. Rybnikov. Moscow, Gos. voen. izd. Publ., 1925. 87 p. (In Russian)
- 9 Moor D.S. *Lekcii o plakatnom iskusstve i ego istorii* [Lectures on Poster Art and Its History]. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], f. 1988, inv. 1, storage unit 68, 166 l. (In Russian)
- 10 Mordvinkin V. Ju. *Chort palenij: skaz pro to, kak masterovoj Mit'ka Sverchok s chortom palennym ob zaklad bil'sja da s burzhujami borolsja i kak chort Mit'ke golovu svoju proigral* [Singed Devil: A Tale About How Mit'ka Craftsman Bet With Singed Devil and Fought With the Bourgeois and How the Devil Lost His Head to Mit'ka]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1919. 35 p. (In Russian)
- 11 *Otchet o dejatel'nosti Literaturno-izdatel'skogo otdela Politicheskogo upravlenija Revvoensoveta Respubliki s 1 ijunja 1919 g. po 1 ijunja 1920 g.* [The Report on the Activities of the Revolutionary Military Council from 1 June 1919 until 1 June 1920]. Moscow, [without Publ.], 1920. 40 p. (In Russian)
- 12 Polonskij V.P. *Russkij revoljucionnyj plakat* [Russian Revolutionary Poster]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1925. 192 p. (In Russian)
- 13 *Protokoly zasedanij Kollegii agitacionno-propagandistskogo otdela Gosizdata RSFSR za ijul' – dekabr' 1919 g.*: Kopii [Protocols of Meetings of Collegium of Agitation-Propaganda Department of State Publishing House of the RSFSR for July – December 1919: Copies]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of Russian Federation], f. 395, inv. 9, case 193, 39 l. (In Russian)
- 14 *Protokoly zasedanij Kollegii agitacionno-propagandistskogo otdela Gosudarstvennogo izdatel'stva №№ 16, 24–38* [Protocols of Meetings of the Board of the Propaganda Department of the State Publishing House no. 16, 24–38]. *Rossiiskij gosudarstvennyj voennyj arhiv* [Russian State Military Archive], f. 9, inv. 14, storage unit 16, 16 l. (In Russian)
- 15 *Pjat' let voennoj knigi, 1919–1924 gg.* [Five Years of War Book, 1919–1924]. Moscow, Gos. voenizdat Publ., 1924. 176 p. (In Russian)
- 16 Sluhovskij M.I. *Kniga i derevnja* [A Book and a Country]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928. 231 p. (In Russian)
- 17 Tarabukin N.M. *Iskusstvo dnja* [Art of The Day]. Moscow, Vserossiiskij proletkul't Publ., 1925. 134 p. (In Russian)
- 18 Tarabukin N.M. *Lubochnyj plakat* [Lubok-style Poster]. *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], June 1925, no. 3, pp. 63–66. (In Russian)
- 19 Tugendhol'd Ja. A. *Sovremennij plakat* [Modern Poster]. *Pechat' i revoljucija* [Print and the Revolution], 1926, no. 8, pp. 56–74. (In Russian)
- 20 Arbuthnot M. The People and the Poster: Theorizing the Soviet Viewer, 1920–1931. *Slavic Review*, Fall 2019, Vol. 78, issue 3, pp. 717–737. <https://doi.org/10.1017/sl.2019.231>.
- 21 Brooks J. *The Firebird and the Fox: Russian Culture Under Tsars and Bolsheviks*. Cambridge University Press, 2019. 346 p.
- 22 *Communist Posters*, ed. Mary Ginsberg. Reaktion Books. 2020. 432 p.
- 23 Kain K.M. Early Soviet Visual Antireligious Propaganda: The Display of Print Images in the Past, Present and Digital Future. *Slavic & East European Information Resources*, 2018, Vol. 19, issue 3–4, pp. 216–241. <https://doi.org/10.1080/15228886.2018.1539608>.
- 24 Toland K.A. *Constructing Revolution: Soviet Propaganda Posters, 1917–1947: Catalog of an Exhibition by the Portland Art Museum, Portland, Oregon, June 26 – September 26, 2021*. Brunswick, Maine: Bowdoin College Museum of Art, 2021. 191 p.